

Оценка судом доказательств в стадии судебного разбирательства при производстве по уголовному делу: эмпирический анализ

П. А. ЛУЦЕНКО – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I, кандидат юридических наук

Реферат

Реализация назначения уголовного судопроизводства, регламентированного ст. 6 УПК РФ, предполагает познавательную, а также формально-логическую деятельность должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, которая включает в себя собирание, проверку и оценку доказательств. Оценочный этап юридического познания вызывает ожесточенные дискуссии в среде ученых-процессуалистов как ввиду сложности детерминации его сущности, так и в силу отсутствия постоянства регламентации критериев оценки доказательств, прямым образом влияющих на постановление приговора и носящих не только правовой, но и политический характер.

Проведенное в рамках научной статьи исследование позволяет констатировать, что оценка доказательств по своему содержанию представляет единство мыслительного и правового компонентов. Мыслительный компонент (внутренняя сторона) заключается в аналитической деятельности, подчиненной логическим законам и направленной на определение наличия или отсутствия таких свойств доказательства, как относимость и допустимость. Процессуально-правовой компонент (внешняя сторона) характеризует установленную законом форму соответствующей деятельности, результатом которой является вынесение промежуточного или итогового решения по уголовному делу.

На основе анализа правоприменительной практики автор приходит к выводу, что наибольшие сложности в деятельности суда вызывает применение положений уголовно-процессуального закона, устанавливающих перечень недопустимых доказательств, как ввиду наличия внутренних противоречий, так и вследствие избыточности правила наибольшего благоприятствования стороне защиты. В связи с этим предлагается внесение в ст. 75 УПК РФ изменений и дополнений, которые предполагают установление критерия существенности (неустраимости) нарушения уголовно-процессуального закона при признании доказательства недопустимым. При этом, по мнению автора, к неустраимым (существенным) нарушениям уголовно-процессуального закона можно отнести те, которые влекут за собой лишение или ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или каким-либо другим образом влияют на достоверность полученного доказательства.

Ключевые слова: судебное разбирательство; нарушение уголовно-процессуального закона; допустимость доказательства; суд; уголовно-процессуальная форма; судебное решение; относимость; достоверность; достаточность.

Judgment by the court of evidence in criminal proceedings: an empirical analysis

P. A. LUTSENKO – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Proceeding of the Voronezh State Agrarian Emperor Peter I University, PhD. in Law

Abstract

The implementation of the appointment of criminal proceedings, regulated by the Art. 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, presupposes cognitive as well as formal and logical activities of the official conducting criminal proceedings, which includes the collection, verification and evaluation of evidence. The evaluation stage of legal cognition causes fierce discussions among the scientists-processivists both in

view of the complexity of determination of its essence and due to the lack of a constant regulation of the criteria for assessing evidence that directly influences the decision of the verdict and is not only legal but also political.

The research conducted within the framework of the scientific article allows us to state that the evaluation of evidence in its content is a unity of the thinking and legal components. The thinking component (the inner side) consists in analytical activity subordinated to logical laws and aimed at determining the presence or absence of such properties of evidence as relevance and admissibility. The procedural and legal component (external side) characterizes the legal form of the relevant activity, the result of which is an interim or final decision on the criminal case.

Based on the analysis of law enforcement practice the author comes to the conclusion that the greatest difficulty in the activities of the court is the application of the provisions of the criminal procedure law that establish a list of inadmissible evidence, both because of internal contradictions and because of the excess of the most-favored-nation rule to the defense side. In connection with this it is proposed to insert in Art. 75 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the amendments and supplements that presuppose the establishment of a criterion of the essentiality (ineradicability) of a violation of the criminal procedural law when the evidence is inadmissible. At the same time in the author's opinion those that entail the deprivation or restriction of the constitutional rights and freedoms of participants in the criminal process or in some other way affect the reliability of the evidence obtained can be attributed to irreparable (material) violations of the criminal procedure law.

Key words: litigation; violation of the criminal procedure law; the admissibility of the proof; court; criminal procedural form; judicial decision; relevance; reliability; adequacy.

Оценка доказательств в стадии судебного разбирательства имеет в своей основе правовой компонент, то есть подчинена требованиям уголовно-процессуальной формы, которые в общем виде закреплены в ч. 1 ст. 88 УПК РФ, а именно: оценка относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств.

Анализ имеющихся в специальной литературе подходов к понятию «относимость доказательств» позволяет утверждать, что в самом общем виде его можно рассматривать как содержательную пригодность доказательства для установления фактов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Основным способом определения относимости доказательства является сопоставление его содержания с кругом обстоятельств, подлежащих установлению. В доктрине уголовного процесса при оценке судом относимости того или иного доказательства принято применять два критерия: общий и непосредственный [9, с. 101–104]. В качестве первого рассматривается унифицированный и специальный предметы доказывания (ст. 73, 421, 434 УПК РФ), а также положения УК РФ, конкретизирующие названный перечень обстоятельств применительно к составу преступления, устанавливающие смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Непосредственный критерий оценки относимости доказательств находится в прямой зависимости от выдвинутого об-

винения, из чего следует, что содержательно пригодными будут те сведения, которые либо подтверждают, либо опровергают его [4, с. 12]. В этой связи особую сложность вызывает оценка относимости косвенных доказательств, из содержания которых может быть сделано несколько выводов, порой взаимоисключающих друг друга. Кроме того, под влиянием новых доказательств относимость имеющихся в уголовном деле может меняться, а, соответственно, значимость отдельно взятого доказательства и его оценка осуществляются в совокупности с другими доказательствами.

Особое значение в контексте требований уголовно-процессуальной формы имеет оценка судом допустимости доказательств. Несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных проблемам оценки доказательств, именно рассматриваемое свойство вызывает сложности в судебной практике, а также ошибки, которые зачастую влекут за собой отмену вынесенного решения. Например, по уголовному делу в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 1 ст. 228 УК РФ, в судебном заседании была установлена недопустимость использования результатов проверочной закупки у подсудимого, проведенной оперативными службами органов полиции с целью доказывания причастности Ш. к незаконному сбыту наркотических средств. Свое решение суд мотивировал тем, что в соответствии со ст. 86 УПК РФ указанные служ-

бы не относятся к числу органов, на которых возложена обязанность по собиранию доказательств в ходе уголовного судопроизводства. Действия сотрудников полиции в ходе проверочной закупки носили провокационный характер, поскольку иными доказательствами, имеющимися в уголовном деле, подтверждается отсутствие у Ш. умысла на сбыт наркотиков, а также отсутствуют доказательства, подтверждающие совершение Ш. подготовительных действий к совершению преступления. По приговору суда Ш. был признан невиновным и оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава этих преступлений [14].

Еще один пример из судебной практики. Кассационной инстанцией отменен приговор районного суда, вынесенный в отношении Н., оправданного по предъявленному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 159, п. «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с отсутствием состава преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Воронежского областного суда не согласилась с выводом районного суда, признавшего недопустимым доказательством протокол проверки показаний Н. на месте. В своем определении суд указал, что решение о недопустимости доказательства основано на том, что свидетель Р., принимавший участие в следственном действии в качестве понятого, на допросе в ходе судебного заседания показал, что «обстоятельств проведения данного следственного действия он не помнит, так как был пьян, у него поднялось давление, болела голова, у него был эпилептический припадок». При этом показания сотрудников органов внутренних дел, опровергавшие это утверждение, суд признал недостоверными ввиду их заинтересованности в исходе уголовного дела. Одновременно с этим районный суд не счел недостоверными показания свидетеля С., также участвовавшего в проведении следственного действия и подтвердившего показания сотрудников органов внутренних дел. Таким образом, налицо явные противоречия в оценке доказательств районным судом. При таких обстоятельствах судебная коллегия сочла, что «выводы районного суда, касающиеся оценки представленных стороной обвинения доказательств, являются противоречивыми, сделанными без оценки всех относящихся к ним обстоятельств» [6].

С учетом конституционного смысла допустимости доказательств (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации) уголовно-процессуальный закон, подчеркивая ценность процессуальной формы собирания доказательств, в императивном порядке устанавливает перечень безусловно недопустимых доказательств в ст. 75 УПК РФ. Буквальное толкование положений ч. 1 ст. 75 УПК РФ приводит к выводу о том, что существо нарушения уголовно-процессуального закона не имеет значения при оценке судом допустимости доказательства, то есть любое нарушение влечет негативные с точки зрения доказывания процессуальные последствия. Подобный подход законодателя многими специалистами оценивается критически, поскольку нивелирует значение внутреннего судейского убеждения в пользу простого правила формальной логики – констатации наличия нарушения УПК РФ и, как следствие, невозможности использования доказательства [7, с. 84]. Таким образом, зачастую наиболее важные с точки зрения аргументации судебного решения доказательства оказываются вне уголовного судопроизводства, например ввиду отсутствия подписи понятого в протоколе следственного действия, хотя это формальное нарушение вполне может быть устранено в ходе судебного заседания путем допроса этого понятого в качестве свидетеля. Попытки реализовать концепцию «устранимых нарушений УПК РФ» без ущерба для доказывания имеют место в судебной практике. Например, по уголовному делу в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, защитником было заявлено ходатайство о признании недопустимым доказательством акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения ввиду отсутствия на нем печати медицинского учреждения. В своем решении суд не согласился с доводами стороны защиты, указав, что в ходе судебного разбирательства были исследованы данные журнала приемного отделения БУЗ ВО «Борисоглебская районная больница» регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также результаты теста дыхания Ф., которые соответствуют данным, отображенным в акте медицинского освидетельствования на состояние опьянения. По мнению суда, то обстоятельство, что «на акте отсутствует один из реквизитов в виде печати медицинского учреждения, а также выявленный

в ходе судебного производства факт несвоевременного внесения в журнал приемного отделения БУЗ ВО «Борисоглебская районная больница» регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) данных химико-токсикологических исследований не может опровергнуть факт нахождения подсудимого на момент освидетельствования в состоянии опьянения. Соответствующие нарушения могут лишь послужить основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности виновных лиц» (Арх. суд. участка № 3 Борисоглебского район. суда Воронеж. обл. Уголов. дело № 1-10/17).

Мы полагаем, что при формулировании требования о недопустимости доказательств, полученных с нарушением УПК РФ, законодателю необходимо использовать компромиссный подход. С одной стороны, требование допустимости не должно поглощать содержание доказательства и блокировать весь процесс доказывания, излишне формализуя его. С другой стороны, чрезмерное упрощение формы может привести к нарушению целостности доказательства. Например, по мнению Е. В. Селиной, «оценивая показания обвиняемого, не владеющего языком судопроизводства, мы не вправе считать сведения, полученные без переводчика либо с применением давления на обвиняемого, доказательством» [15, с. 41]. В этой связи достаточно аргументированной представляется классификация нарушений УПК РФ на неустранимые и устранимые, используемая для формулирования легального определения «существенное нарушение уголовно-процессуального закона», являющееся основанием для отмены судебного решения. В соответствии с ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ неустранимыми, а следовательно, существенными нарушениями УПК РФ признаются те, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. С учетом того факта, что собирание доказательств проводится преимущественно на этапе предварительного расследования, полагаем, что легальное определение, содержащееся в ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ, нуждается в соответствующем уточнении. Так, применительно к форме доказательств существенными нарушениями уголовно-процессуального закона

следует, на наш взгляд, считать нарушения, повлекшие за собой лишение или ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или каким-либо другим образом повлиявшие на достоверность полученного доказательства. К их числу следует относить: 1) применение насилия, пыток или бесчеловечного либо иного жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения; 2) существенное нарушение требований УПК РФ в ходе производства по уголовному делу, в том числе осуществление действий по сбору доказательств, без решения суда, когда получение такого обязательно; 3) осуществление производства по уголовному делу лицом, не имеющим соответствующего права, а также лицом, подлежащим отводу; 4) неразъяснение, неполное или неправильное разъяснение участнику уголовного процесса его прав и обязанностей, процессуального положения (например, получение показаний от лица, которому не было разъяснено право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, предусмотренное ст. 51 Конституции Российской Федерации); 5) получение показаний без переводчика, в случаях когда его участие является обязательным; 6) неустранимое нарушение права на защиту, допущенное при получении показаний, фактических материалов, в том числе при получении показаний без участия защитника, когда участие защитника по закону является обязательным.

Полагаем, что специфика доказывания в судебном заседании предполагает, что устранимые нарушения уголовно-процессуального закона должны быть предметом судебного исследования. В этом случае суд, следуя общим правилам оценки доказательств, может принять решение об использовании таких фактических материалов в доказывании.

Косвенным подтверждением нашей позиции являются и рекомендации Верховного Суда Российской Федерации, который разъяснил, что «при решении вопроса о недопустимости доказательства суд должен в каждом случае выяснить, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение» [12], а также Конституционного Суда Российской Федерации, указавшего, что «в случае выявления допущенных органами дознания нарушений или предварительного следствия процессуальных нарушений суд вправе, самостоятельно и независимо осуществляя правосудие, принимать в соответствии с

уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу» [13].

В дополнительном осмыслении, на наш взгляд, нуждается положение ч. 2 ст. 75 УПК РФ, предписывающее наряду с анонимными показаниями, а также показаниями, полученными из неизвестных и неподтвержденных источников, признавать недопустимыми и показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. Это положение не вполне соответствует не только требованиям допустимости доказательств (ч. 1 ст. 74, п. 3 ч. 2 ст. 75, ч. 4 ст. 235 УПК РФ), но и ряду принципов уголовного судопроизводства – законности, права на защиту, свободы оценки доказательств [10, с. 259]. Вопрос о качестве доказательства не может быть взаимосвязан с присутствием при производстве следственного действия защитника, поскольку закон не устанавливает такого императивного требования. Более того, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 51, ст. 52 УПК РФ допускается возможность производства следственных действий вообще без участия защитника. Таким образом, не ясна логика законодателя, предусмотревшего автоматическую недопустимость доказательства в рассматриваемом случае вообще без учета обстоятельств уголовного дела. Достаточно распространенным в доктрине уголовного процесса является объяснение положений п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ через призму концепции «благоприятствования стороне защиты» [16, с. 15–16]. Законодатель подтверждает приверженность указанному тезису, дополняя перечень недопустимых доказательств за счет предметов, документов или сведений, входящих в производство адвоката по делам его доверителей, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, за исключением предметов и документов, приобщенных к уголовному делу в качестве вещественных доказательств в соответствии со ст. 81 УПК РФ [11].

Эти доводы при всей их привлекательности с точки зрения международно-правовых стандартов защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся уголовному преследованию, не снимают противоречий,

содержащихся в тексте ч. 1, 2 ст. 75 УПК РФ. Остается открытым вопрос: почему из общего ряда нарушений УПК РФ, влекущих недопустимость доказательства, выделяется именно отсутствие защитника в ходе допроса подозреваемого (обвиняемого), которое, как мы отметили выше, во многих случаях вообще не является нарушением? Думается, что исключение из текста ст. 75 УПК РФ п. 1 ч. 2 несколько не повлияет на механизм обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, так как в соответствии с принципом презумпции невиновности признательные показания оцениваются в совокупности с иными имеющимися в деле доказательствами, а законность проведения процедуры допроса является самостоятельным предметом оценки в стадии судебного разбирательства, как и форма получения всех иных доказательств.

Особую актуальность в современных правовых реалиях приобретает проблема оценки судом достоверности доказательств. В советской доктрине уголовного процесса она традиционно определялась как соответствие содержания доказательства реальной действительности, то есть его способность служить основной задаче судопроизводства – установлению истины по уголовному делу [8, с. 60]. При отсутствии законодательно закрепленной цели доказывания категория «достоверность» приобретает несколько иное значение. В качестве критериев достоверности рассматриваются другие доказательства, имеющиеся в уголовном деле [1, с. 262]. Суд, оценивая достоверность конкретного доказательства, сопоставляет его с иными, уже исследованными в судебном заседании, что соответствует положениям ч. 1 ст. 17 УПК РФ. Приведем конкретный пример. В ходе судебного заседания по уголовному делу в отношении Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, мировой судья, оценивая представленные стороной обвинения доказательства с точки зрения их достоверности, пришел к следующим выводам. К показаниям свидетеля Б., являющегося супругом частного обвинителя, суд относится с недоверием, поскольку они непоследовательны и противоречат показаниям других свидетелей. Так, в судебном заседании Б. первоначально показал, что его супруга, «падая после первого удара дверью, своим телом сбила его с ног, от чего он упал в кресло. Однако на уточняющие вопросы мирового судьи и участников процесса Б. ответил, что частный обвинитель падала лишь один

раз – после третьего удара дверью». Свои отношения с подсудимым свидетель Б. охарактеризовал как плохие, что послужило дополнительным основанием для отказа мировым судьей в принятии его показаний как достоверных доказательств по делу. Давая оценку показаниям свидетелей Н. и О., а также подсудимого Р., суд не нашел в них существенных противоречий, расценив их как достоверные, последовательные и дополняющие друг друга. Оценивая показания частного обвинителя, суд отметил, что они опровергаются показаниями свидетелей, видеозаписью происшествия, заключением эксперта, письменными документами, что вызывает обоснованные сомнения в их достоверности (Арх. суд. участка № 1 Лискинского район. суда Воронеж. обл. Уголов. дело № 1-1/2014).

И наконец, элементом процессуальной формы оценки доказательств является достаточность их совокупности для принятия законного, обоснованного и мотивированного решения по уголовному делу. В специальной литературе достаточность доказательств трактуется как такая их совокупность, которая позволяет суду разрешить правовой конфликт [3, с. 85]. При отсутствии законодательно установленных критериев рассматриваемое свойство доказательств оценивается исключительно на основании внутреннего судебного убеждения. Следовательно, унифицированного подхода здесь существовать не может, по каждому уголовному делу такая оценка осуществляется индивидуально. Однако наукой разработано понятие «пределы доказывания» [2, с. 133–137], которое, с одной стороны, обеспечивает достаточность доказательств, а с другой – не допускает необоснованного расширения их круга, влекущего снижение эффективности судебной деятельности за счет увеличения временных, материальных и иных затрат.

В практической деятельности определение пределов доказывания вызывает значительные трудности. С точки зрения одной судебной инстанции собранной совокупности доказательств достаточно для вынесения решения, а с точки зрения другой – нет. Приведем конкретный пример. Так, по уголовному делу в отношении Ч., осужденного по ч. 1 ст. 111 УК РФ, в Воронежский областной суд поступила жалоба стороны защиты, в которой осужденный ходатайствовал об отмене приговора районного суда и прекращении производства по делу в связи с отсутствием в действиях Ч. состава

преступления. При этом он считает, что выводы суда о его виновности в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Г. носят предположительный характер и не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела. Рассмотрев материалы уголовного дела, Судебная коллегия по уголовным делам Воронежского областного суда отменила приговор и направила дело на новое судебное рассмотрение по следующим основаниям. Районный суд в качестве доказательств вины осужденного сослался на показания Ч., данные им на предварительном следствии в качестве подозреваемого, согласно которым он нанес ножом удар Г. в область спины; на заключение судебно-медицинской экспертизы о количестве и локализации обнаруженных на теле потерпевшего Г. телесных повреждений и причине его смерти. При этом показания Ч. в судебном заседании без должной мотивации были расценены как противоречивые, направленные на избежание ответственности за содеянное. Из протокола судебного заседания не усматривается, что судом приняты процессуальные меры к устранению имеющихся противоречий. Кроме того, суд в приговоре не дал никакой оценки показаниям допрошенного в судебном заседании судебно-медицинского эксперта Т., согласно которым «после получения проникающего ранения грудной клетки слева с поражением левого легкого Г. не мог самостоятельно передвигаться и совершать какие-либо активные целенаправленные действия, так как в таких случаях у пострадавшего сразу же в легких наступает плевропульмональный шок, человек ходить не может, он должен сразу пошатнуться и упасть. Поскольку из показаний Ч. усматривается, что после того, как он ударил ножом Г., последний пошел вперед, от действий Ч. проникающего ранения с повреждением легкого произойти не могло, поскольку с таким ранением потерпевший передвигаться бы не мог ввиду немедленного наступления плевропульмонального шока». Судебная коллегия по уголовным делам пришла к выводу, что органами предварительного расследования механизм совершения преступления был не установлен, а выводы суда относительно нанесения Ч. удара ножом именно в область грудной клетки слева в седьмое межреберье в приговоре не мотивированы, приговор районного суда, установивший вину Ч. в причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, не может быть признан обоснованным [5].

Степень достаточности доказательств дифференцируется в зависимости от вида принимаемого судом решения, а также стадии судопроизводства. Так, если для принятия решения о допросе свидетеля без визуального контакта достаточно наличия обстоятельств, подтверждающих возможность посткриминального воздействия на него, то для постановления приговора необходима такая совокупность доказательств, которая позволяет сделать несомненный вывод о доказанности фактических обстоятельств, образующих предмет доказывания.

Таким образом, позволим себе констатировать, что наибольшие сложности с точки зрения правоприменительной практики вызывает оценка допустимости доказательств, что, на наш взгляд, сопряжено в числе прочего с небезупречностью законодательного подхода к формированию перечня недопустимых доказательств. Отсутствие разграничения нарушений уголовно-процессуального закона на устранимые и неустраимые влечет за собой возможность блокирования всего процесса доказывания при наличии даже формальных нарушений УПК РФ, которые могут быть устранены в ходе судебного разбирательства без ущерба для реализации прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Полагаем, что к неустраимым (существенным) нарушениям уголовно-процессуального закона можно отнести те из них, которые влекут за собой лишение или ограничение

конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или каким-либо другим образом влияют на достоверность полученного доказательства. Именно такие нарушения, на наш взгляд, должны повлечь за собой безусловное признание доказательства недопустимым. В этой связи предлагается внести в ст. 75 УПК РФ следующие изменения и дополнения:

1) часть 1 статьи 75 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Доказательства, полученные с существенным нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Существенными нарушениями уголовно-процессуального закона являются нарушения, повлекшие за собой лишение или ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного процесса или каким-либо другим образом повлиявшие на достоверность полученного доказательства»;

2) пункт 3 части 2 статьи 75 УПК РФ изложить следующим образом: «иные доказательства, полученные с существенным нарушением требований настоящего Кодекса»;

3) дополнить статью 75 УПК РФ частью 3 следующего содержания: «Доказательства, полученные с нарушениями уголовно-процессуального закона, не указанными в части 2 статьи 75 настоящего Кодекса, по судебному решению могут быть использованы в доказывании в случае, если в результате судебного разбирательства такие нарушения были устранены».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (постановка проблемы). СПб., 2007. 466 с.
2. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 251 с.
3. Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. 295с.
4. Бозров В. М., Костовская Н. В. Оценка доказательств в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2012. № 9. С. 10–18.
5. Кассационное определение по уголовному делу № 22-1164. URL: <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-104214979/> (дата обращения: 04.05.2018).
6. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда. URL: <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-103663424/> (дата обращения: 03.05.2018).
7. Костенко Р. В. Проблемы правовых последствий нарушения правил допустимости доказательств в уголовном процессе // Соврем. право. 2014. № 8. С. 83–89.
8. Курылев С. В. Доказывание и его место в процессе судебного познания // Тр. Иркутского гос. ун-та им. А. А. Жданова. Т. 13. Иркутск, 1955. С. 37–67.
9. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008. 192 с.
10. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2008. 1170 с.
11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2004 № 1 (ред. от 01.06.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Приговор Лискинского районного суда Воронежской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-liskinskij-rajonnyj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-102982876/> (дата обращения: 06.05.2018).
15. Селина Е. В. Средства доказывания в российском уголовном процессе: вчера, сегодня, завтра // Адвокат. практика. 2015. № 5. С. 39–42.
16. Чеботарева И. Н. Асимметрия правил допустимости доказательств // Рос. следователь. 2013. № 19. С. 14–16.

REFERENCES

1. Averin A. V. Istina i sudebnaya dostovernost' (postanovka problemy) [Truth and judicial certainty (statement of the problem)]. St. Petersburg, 2007. 466 p. (In Russ.).
2. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugovolnogo processa [Essay on the development of science of the Soviet criminal process]. Voronezh, 1980. 251 p. (In Russ.).
3. Belkin R. S. Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody [Collection, study and evaluation of evidence. Essence and methods]. Moscow, 1966. 295 s. (In Russ.).
4. Bozrov V. M., Kostovskaya N. V. Ocenka dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve [Evaluation of evidence in criminal proceedings]. Mirovoj sud'ya – The justice of the peace. 2012. Iss. 9. P. 10–18. (In Russ.).
5. Kassacionnoe opredelenie po ugovolnomu delu № 22-1164 [Cassation determination in criminal case No. 22-1164]. Availabel at: <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-104214979/> (accessed 04.05.2018). (In Russ.).
6. Kassacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Voronezhskogo oblastnogo suda [Cassation determination of the judicial collegium in criminal cases of the Voronezh regional court]. Availabel at: <https://rospravosudie.com/court-voronezhskij-oblastnoj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-103663424/> (accessed 03.05.2018). (In Russ.).
7. Kostenko R. V. Problemy pravovyh posledstvij narusheniya pravil dopustimosti dokazatel'stv v ugovolnom processe [Problems of the Legal Consequences of the Violation of the Rules for the Admissibility of Evidence in Criminal Procedure]. Sovrem. pravo – The modern law. 2014. Iss. 8. P. 83–89. (In Russ.).
8. Kurylev S. V. Dokazyvanie i ego mesto v processe sudebnogo poznaniya [Proving and its place in the process of judicial knowledge]. Tr. Irkutskogo gos. un-ta im. A. A. Zhdanova. T. 13 – Scientific works of Irkutsk State A. A. Zhdanov University. Vol. 13. Irkutsk, 1955. P. 37–67. (In Russ.).
9. Mihajlovskaya I. B. Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugovolnom processe [The judge's bench book for proving in criminal proceedings]. Moscow, 2008. 192 p. (In Russ.).
10. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. V. M. Lebedeva [Scientific and practical commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : ed. by V. M. Lebedev]. Moscow, 2008. 1170 p. (In Russ.).
11. O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 17.04.2017 № 73-FZ [On Amending the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : Federal Law from 17.04.2017 No. 73-FL]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.).
12. O primenenii sudami norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 05.03.2004 № 1 (red. ot 01.06.2017) [On the application by courts of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 05.03.2004 No. 1 (in red. on 01.06.2017)]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.).
13. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij statej 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 i 408, a takzhe glav 35 i 39 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosami sudov obshchej yurisdikcii i zhalobami grazhdan : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 08.12.2003 № 18-P [In the case on the verification of the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the requests of the courts general jurisdiction and complaints of citizens : Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 08.12.2003 No. 18-P]. Access from the legal reference system «ConsultantPlus». (In Russ.).
14. Prigovor Liskinskogo rajonnogo suda Voronezhskoj oblasti [The verdict of the Liskinsky District Court of the Voronezh Region]. Availabel at: <https://rospravosudie.com/court-liskinskij-rajonnyj-sud-voronezhskaya-oblast-s/act-102982876/> (accessed 06.05.2018). (In Russ.).
15. Selina E. V. Sredstva dokazyvaniya v rossijskom ugovolnom processe: vchera, segodnya, zavtra [Means of Evidence in the Russian Criminal Process: Yesterday, Today, Tomorrow]. Advokat. praktika – Lawyer practice. 2015. Iss. 5. P. 39–42. (In Russ.).
16. Chebotareva I. N. Asimetriya pravil dopustimosti dokazatel'stv [Asymmetry of admissibility rules for evidence]. Ros. sledovatel' – Russian investigator. 2013. Iss. 19. P. 14–16. (In Russ.).

УДК 343.83:253

Правовые и организационные аспекты деятельности пенитенциарного духовенства в России

Н. А. МЕЛЬНИКОВА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент